

УДК 94(571)''17/19''

© М. Х. Яргаев, 2013

**СТАНОВЛЕНИЕ ОБЛАСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ВОСТОКЕ
РОССИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Яргаев М. Х. – канд. ист. наук, доцент кафедры «История отечества, государства и права», e-mail: yargaevm@mail.ru (ТОГУ)

В статье прослеживаются основные этапы формирования таких крупных территориальных единиц, как области, на восточной окраине России, где до конца XVIII века их не существовало вовсе. Отражены трудности и специфика этого процесса. Значительное внимание уделено показу роли Н. Н. Муравьёва-Амурского как в возвращении России земель, отнятых у неё Китаем по Нерчинскому договору, так и административных преобразованиях на востоке страны.

The article reviews the main stages of formation of large territorial units such as regions in the eastern part of Russia, where they didn't exist until the end of the XVIII century. The difficulties and specificity of this process are defined. The considerable attention is paid to the role of N.N. Muravyov-Amursky, who contributed to the return of lands annexed by China to Russia according to the Nerchinsky Treaty and the administrative reforms in the Russian Far-East.

Ключевые слова: область, преобразования, власть, управление, губернатор, территория.

Первый опыт областного строительства на восточной окраине России относится ещё к концу XVIII столетия. Именным указом императрицы Екатерины II от 2 марта 1783 г. Иркутская губерния, вобравшая в себя необъятное пространство от Байкала до Восточного океана, была разделена на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую. В Охотскую область вошли уезды Охотский, Ижигинский, Акланский и Нижне-Камчатский, в Нерчинскую – Нерчинский, Доронинский, Баргузинский и Стретенский [1]. Главой Нерчинской области объявлялся обер-комендант, Охотской – комендант. Им вменялось в обязанность «сверх обыкновенных их должностей, иметь наблюдение за всеми присутственными местами, в тех областях учреждёнными, и вообще за тишиною и благоустройством в земле» [2].

Два десятилетия спустя реформированию подверглось управление Камчаткой. «Высочайше подтвержденным» положением от 11 августа 1803 г. учреждалось Камчатское областное правление в составе областного судьи, областного земского исправника и двух заседателей. Председательство в правлении возлагалось на коменданта, которому присваивался титул «правителя области Камчатской» [3]. Власть его, указывалось в положении, «кроме войск, в Камчатке расположенных, распространяться имеет на весь полуостров с его жителями» [4]. Местом пребывания главы области и правления назначался Верхне-Камчатск.

Вряд ли требуется кого-либо убеждать, что административные преобразования востока России были продиктованы стремлением найти оптимальную модель управления этим огромным и пустынным краем. Но они в то время не в полной мере отвечали потребностям его развития и потому во многом носили характер эксперимента. Это подтверждалось практикой. Уже в апреле 1805 г. последовал именной указ, упразднявший Нерчинское областное правление «по малости в нём дел» [5]. Та же участь постигла и Камчатское областное правление. Судьбу его решило Высочайше утверждённое положение от 9 апреля 1812 г. «О преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части». «Настоящее областное в Камчатке правление, – указывается в нём, – яко слишком для края того обширное и многосложное, упразднив, поручить управление Камчатки особому начальнику на правилах сколь можно простых и единообразных» [6]. Впрочем, коллективные начала деятельности главы области полностью не устранялись. Положением предусматривалось учреждение при необходимости особых присутствий из начальника Камчатки, его помощника, комиссара, «когда сей не в отлучке», и аудитора. «Буде же встретится важное какое дело, отлагательства не терпящее, – говорится в статье 47 – оное начальнику Камчатки решать с совету его офицеров без предписания высшего начальства, по чрезвычайному отдалению ко его не может он получать нужных разрешений в надлежащее время» [7].

Инициатива дальнейшей перестройки управления как в Сибири в целом, так и в восточных её районах принадлежит М. М. Сперанскому. 22 июня 1822 г. было принято разработанное им «Учреждение для управления сибирских губерний». Оно разделило Сибирь на Западную и Восточную. В состав последней вошли две губернии – Иркутская и Енисейская и одна область – Якутская. В рамках Иркутской губернии учреждались приморские управления – Охотское и Камчатское, а также Троицко-Савское пограничное управление [8].

Новый этап административных преобразований в районе приходится на середину XIX века. Он неразрывно связан с именем генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва-Амурского. Ему Россия в немалой мере обязана не только возвращением ей огромного массива приморских земель, отошедших к Китаю по Нерчинскому трактату 1689 г., и их колонизацией, но и новым административным обликом своих восточных районов.

Н. Н. Муравьеву-Амурскому был чужд кабинетный стиль работы. Биографы этого выдающегося государственного деятеля отмечают такую его отличительную особенность как стремление держать руку на пульсе общественной жизни, глубоко вникать во все проблемы управления вверенной ему территории. Выявлению последних помогали регулярные командировки Николая Николаевича. Трудно назвать более или менее значимый географический пункт на громадном расстоянии от Иркутска до Восточного океана, где бы он, пренебрегая тяготами походной жизни, не побывал.

Одним из первых мероприятий подобного рода была его поездка в Охотск и на Камчатку, куда он отправился 15 мая 1849 г., вскоре после своего назначения генерал-губернатором. «Перед отъездом своим из Петербурга, – указывает И. П. Барсуков, ссылаясь на Б. В. Струве, – Николай Николаевич представлялся государю и на обращенные к нему слова, что он, Муравьев, вероятно, не будет в Камчатке, потому что туда затруднительно ехать и потребуются слишком много времени, ответил его величеству: «Я постараюсь туда добраться». «Кто знал характер Николая Николаевича Муравьева, – продолжает Барсуков, – тому понятно, что вместе с ответом царю в его уме уже было решено при первой возможности отправиться в Камчатку, чтобы получить право подкрепить свои ходатайства в будущем словами: «я сам видел, я лично убедился» [9].

Личные впечатления, полученные Муравьевым в ходе этого экстраординарного визита, действительно, сослужили ему хорошую службу. Опираясь на них, он сумел убедить императора в целесообразности переноса главного морского порта России на Тихом океане – Охотского в Авачинскую губу на Камчатке и, более того, – в необходимости образования Камчатской области. Высочайший указ от 2 декабря 1849 года гласил: «По представлению исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири, признавая полезным и необходимым изменить порядок управления Охотским и Камчатским краем, повелеваем:

1. Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Гижигинского округа... создать особую область, которой именоваться Камчатскою.

2. Управление этой областью по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, которого подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири.

3. Охотский порт, по неудобности онаго, а также тамошнее приморское управление упразднить» [10].

Область включала в себя, помимо Камчатского полуострова, Чукотку и Курилы; с севера её омывали воды Ледовитого океана, с востока – Восточного, с запада – Охотского моря, на юге она граничила с Японией. Центром нового административного образования был избран Петропавловск. Военным губернатором области выпало стать начальнику Аянского порта капитану 1-го ранга Василию Степановичу Завойко. Указ о его назначении Николай I подписал 15 февраля 1850 г. При этом царь не мог не считаться с волей гене-

рал-губернатора, чьему радению и был обязан В. С. Завойко своим возвышением.

10 января 1851 г. император утвердил Положение об управлении Камчатской областью. Оно разделило областное управление на общее и частное.

Общее вверялось Главному управлению Восточной Сибири и военному губернатору. При последнем состояли его помощник, правитель канцелярии, чиновники для особых поручений и другие лица.

Частное управление отдавалось на откуп персоналу двух округ, составлявших область: в Петропавловской – земскому исправнику с помощником (по делам окружной полиции), полицмейстеру (по делам городской полиции в Петропавловском порту), окружному суду (по делам судебным), окружному казначейству (по делам казённого хозяйства), окружному стряпчему (по делам надзора за производством дел в окружных управлениях); в Гижигинской округе делами управления занимался земский исправник с помощником. В Анадырском селении Положением была предусмотрена должность отдельного заседателя с помощником, в распоряжение которого военный губернатор мог давать нужное число казаков. Низшие ступени служебной лестницы занимали волостные и сельские старосты в селениях, а в кочевьях инородцев – родовые и другие начальники [11].

Так выглядела система власти в области по Положению 1851 г.

Наряду с Камчатским краем Муравьёв-Амурский предпринимал усилия по повышению статуса Забайкалья. Последнему он придавал немаловажное значение как территории, имеющей 2000 вёрст границы с Китайским государством [12]. По свидетельству И. Барсукова, генерал-губернатор был уверен, что край «силою самих обстоятельств *будет ея иметь гораздо более*» [13]. В рапорте на имя императора, датированном 15 мая 1849г., он предлагал в качестве шага, нацеленного на сохранение влияния на соседей, разместить «и для помощи им, и для страху» воинский контингент в Забайкалье [14]. Ещё более значимой мерой явилось образование по инициативе Н. Н. Муравьёва-Амурского Забайкальского казачьего войска (17 марта 1851г.) А через несколько месяцев после этого генерал-губернатору удалось склонить Николая I к идее создания Забайкальской области. «Из Забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского, за исключением Троицкосавска и слобод Кяхтинской и Усть-Кяхтинской с прилегающими к ним землями, и Нерчинского, – говорится в высочайше утверждённом Положении об управлении Забайкальской областью от 11 июля 1851 г., – образовать особую Забайкальскую область с учреждением областного управления в м. Чите, которую возвести на степень города» [15].

Высшими инстанциями в областном управлении по Положению 1851 г. являлись военный губернатор, который выступал одновременно в ипостаси Наказного атамана Забайкальского казачьего войска, и областное правление; при них предусматривалось учреждение общей канцелярии. В свою очередь и военный губернатор, и правление непосредственно подчинялись Главному управлению Восточной Сибири на основании ст. 157 Сибирского учрежде-

ния, но и от Правительствующего сената и министерств они по тому же Учреждению (ст. 550-552) также принимали предписания и представляли им требуемые от них дела и сведения.

Альтернативой губернским советам, упоминаемым М. М. Сперанским в Сибирском учреждении (статьи 22, 23, 27), выступало т.н. общее присутствие военного губернатора с областным правлением и прокурором. Присутствие созывалось по мере надобности для рассмотрения наиболее значимых вопросов местной жизни. Статья 23 Положения об управлении Забайкальской областью указывала, что «вошедшее в законную силу постановление общего присутствия военного губернатора с областным правлением и прокурором может быть изменено или оставлено только высочайшей властью, указами Правительствующего сената и Главным управлением Восточной Сибири» [16].

Что касается судебной власти, то таковая была представлена, прежде всего, окружным судом, который, несмотря на своё название, был учреждением областным и являлся, как пояснялось в статье 27, первой степенью суда; второй же провозглашался Иркутский губернский суд [17]. Понятно, что в ту пору в России ни в центре, ни на местах не могло быть и речи о независимости суда от администрации. Акт, о котором идёт речь, закреплял право губернатора, в случае его несогласия с решением окружного суда по делам о преступлениях и проступках, вносить материалы судебного разбирательства со своим заключением в Главное управление Восточной Сибири, где они подлежали рассмотрению «предписанным сему управлению порядком» [18].

Между тем центр тяжести административных инициатив в середине 50-х годов сместился на юг региона, к Амуру. Немалую роль в этом сыграл граф Н. Н. Муравьёв, глубоко сознававший стратегическое значение реки как важнейшей транспортной артерии, соединяющей континент с Восточным океаном. Название одного из представлений генерал-губернатора, относящихся к 1849 г., носит весьма красноречивый характер: «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалина, которая ему противостоит, а также левого берега Амура». Иерархию причин он формулирует следующим образом: «а) опасение за восточную границу империи, б) упрочение и обеспечение владения Камчатским полуостровом, в) поддержание торговли нашей с Китаем, г) поддержание нашего влияния в Китае» [19].

11 января 1854 г. император Николай I предоставил Н. Н. Муравьёву право вести все сношения с китайским правительством по разграничению восточной окраины и произвести по Амуру сплав войска.

Почему на очередь дня выдвинулся вопрос о сплаве? Объяснялось это прежде всего военной опасностью, нависшей над тихоокеанскими владениями России в связи с русско-турецкой войной. В марте 1854 г. в войну на стороне Турции вступили Англия и Франция. Угроза появления англо-французских судов у восточных берегов России стала вполне реальной. (Забегая вперёд, отметим, что события августа 1854 г., когда англо-французская эскадра вошла в Авачинскую бухту, полностью это подтвердили). Сплавы

призваны были обеспечить укрепление обороноспособности восточных рубежей страны.

14 мая 1854 г. с территории Шилкинского завода вниз по реке Шилке был отправлен сводный линейный батальон в несколько сот человек, размещавшихся на 76 баркасах [20]. Возглавлял экспедицию пароход «Аргунь» с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым на борту. «С прибытием в Мариинский пост, – сообщает Г. И. Невельской, – Н. Н. Муравьев объявил мне, что 350 человек... должны следовать в залив Де-Кастри, а оттуда на транспортах «Иртыш» и «Двина» – в Петропавловск. Сотня конных казаков и горная батарея (четыре орудия) остаются в Мариинском посту, остальные же 150 человек должны следовать в Николаевский пост» [21].

Через год состоялся второй сплав, доставивший в низовья Амура войско численностью в 2500 человек. С этим сплавом прибыли первые русские земледельцы. Между Николаевским и Мариинским постами возникли деревни Иркутская, Богородская, Михайловская, Ново-Михайловская, Сергиевская и Воскресенская. Поселенцы получили от казны пособие и были навсегда освобождены от рекрутской, земской и подводной повинностей [22]. Ещё 5 постов появилось на Амуре во время третьего сплава (1856 г.): Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский, Хинганский и Сунгарийский [23].

Начавшееся заселение Приамурья поставило в порядок дня вопрос о внесении изменений в административно-территориальное устройство востока России. 31 октября 1856 года Государственный Совет образовал из приморских частей Восточной Сибири Приморскую область с центром в г. Николаевске. Камчатская область упразднена, её территория вошла в состав новой области [24].

Полтора года спустя, 28 мая 1858 г., в г. Айгуне был подписан российско-китайский договор, в соответствии с которым Россия получила в собственность левый берег верхнего и среднего Амура, а в нижней части реки – оба берега [25]. Новую политическую и территориальную реальность закрепил именным указ, данный Сенату 8 декабря того же года. Указ разделил Приамурский край на две области. За первой из них сохранялось прежнее название Приморской, второй давалось наименование Амурской. Документ определял границы каждой из указанных областей. В Приморскую область вошли шесть округов: Петропавловский, Гижигинский, Удский, Охотский, Николаевский и Софийский. В состав Амурской области включались все земли, находившиеся на левом берегу Амура, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни до границы с Приморьем. Административным центром Амурской области стал город Благовещенск [26]. Главами областей – и Амурской, и Приморской – назначались военные губернаторы. Пограничное положение региона предопределило особый статус последних. Так, компетенция губернатора Приморской области распространялась и на Курильские острова. То же следует сказать в отношении всех портов вверенной ему области и судов, находившихся в них [27]. Статья 9 Положения об управлении Приморской областью обладала губернатора полномочиями командующего местными

войсками, как сухопутными, так и морскими [28]. Что касается военного губернатора Амурской области, то ему присваивались «по управлению войсками, в области находящимися: регулярными – права начальника дивизии, а казачьими – права наказного атамана. По делам же военносудным – права командира корпуса, входящего в состав армии» [29].

Заметной вехой в развитии российско-китайских пограничных отношений явился Пекинский договор 1860 г. Он очерчивал восточную и западную пограничную линию между двумя государствами. Восточная граница пролегла по Амуру, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, до впадения его в реку Уссури. Земли к северу от Амура объявлялись российскими, к югу, до устья Уссури, – китайскими. Далее границей служили Уссури от её устья до озера Хинкай и река Сунгача. Территория к востоку от этих рек принадлежала России, к Западу – Китаю. Западная граница должна была пройти по естественным ориентирам (рекам, горам) от маяка Шабин Дабага, установленного в XVIII в., до «кокандских владений» [30].

Пекинский договор существенно раздвинул границы Приморской области, и без того обширной. Это не могло не вызвать административных преобразований, призванных устранить проблемы в управлении огромной территорией.

28 апреля 1880 г. Высочайшим повелением из состава Приморской области выделялся в самостоятельное военное губернаторство Владивосток вместе с полуостровом Муравьёва-Амурского и островом Русский. При военном губернаторе Владивостока – так именовался глава нового административного образования – учреждалась особая канцелярия, где сосредоточивались все дела, как гражданские, так и военные. Что касается военного губернатора Приморской области, то местопребыванием его назначалась Хабаровка, куда предписывалось перевести из Николаевска областное правление, окружной суд и штаб войск. И Хабаровка, и Владивосток обретали статус города [31].

Трудно судить, насколько рациональным являлось подобное нововведение: Владивостокское губернаторство было слишком малой – по дальневосточным меркам – территориальной единицей. По-видимому, этим можно объяснить кратковременность его существования. Уже 9 июня 1888 г. оно упразднялось, а Владивосток вновь становился административным центром Приморской области [32].

До сих пор речь шла о материковых областных формированиях. А что можно сказать об административном статусе достаточно крупной территории, отделённой от материка Татарским проливом – острова Сахалина? В силу равноудалённости от берегов России и Японии он в течение длительного времени являлся предметом территориального спора между названными державами. И это естественно. В стратегическом плане Сахалин рассматривался обоими государствами как надёжный океанский форпост. Немаловажно и то, что прибрежные воды острова изобиловали рыбой, а недра его таили в себе несметные природные сокровища, главными из которых были уголь,

нефть и газ. Не случайно один из публицистов прошлого века назвал Сахалин «драгоценнейшей жемчужиной в короне русского государства» [33].

26 января (7 февраля по новому стилю) 1855 г. было достигнуто первое дипломатическое соглашение между Россией и Японией – Симодский договор. Граница двух государств устанавливалась между островами Итурупом и Урупом. Уруп и прочие Курильские острова к северу составляли владение России, остальные – Японии. Что касается Сахалина, то он оставался неразделённым [34]. С образованием в 1856 г. Приморской области российская его часть вошла в её состав. Дальнейшую судьбу острова решил Санкт-Петербургский договор 1875 г. В соответствии с ним Япония уступала России свои права на Сахалин, взамен получала в собственность все 18 Курильских островов [35].

Под опекой Приморской области Сахалин находился до 1884 г., когда было учреждено Приамурское генерал-губернаторство. Полноправным членом этой региональной ассоциации стал, наряду с другими областями востока России, и Сахалин, выделенный в самостоятельную административную единицу. Глава Сахалина в течение 10 лет носил незатейливое название начальника острова, а в 1894 г. получил титул военного губернатора [36].

Политический пейзаж Сахалина изменила русско-японская война 1904 - 1905 гг., закончившаяся, как известно, поражением России. По Портсмутскому мирному договору Россия вынуждена была уступить Японии южную часть острова.

Другая территориальная уступка носила уже внутренний характер и касалась лишь Приамурского генерал-губернаторства. Именным указом от 17 марта 1906 г. Забайкальская область передавалась соседнему Иркутскому генерал-губернаторству [37].

И в основном завершилось формирование карты региона принятием 17 июня 1909 закона «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина». Из северных уездов Приморской области – Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского – и Командорских островов создавалась (уже в 3-й раз!) Камчатская область [38], а из принадлежавшей России части острова Сахалина – Сахалинская область [39]. Одновременно были приняты Временные (до 1 января 1915 г.) положения об управлении Камчатской и Сахалинской областями. Эти документы носили во многом сходный характер.

И Камчатская, и Сахалинская области были отнесены – а иное трудно себе представить – к дальневосточному территориальному сообществу – Приамурскому генерал-губернаторству. Поэтому все наиболее важные вопросы, связанные с их управлением, составляли компетенцию генерал-губернатора. Непосредственное же руководство областями осуществляли губернаторы. Местопребыванием камчатского губернатора объявлялся город Петропавловск, Сахалинского – пост Александровский.

Временные положения обязывали Приамурского генерал-губернатора снабжать глав областей особой инструкцией, где определялись «предметы,

кои должны подлежать особой заботливости и попечению губернатора» [40]. Для Камчатского губернатора очерчивался круг его действий «по охранению интересов империи на побережьях и островах», а Сахалинского – «по охранению границ и пограничным сношениям» [41]. Сверх того, Камчатский губернатор в чрезвычайных обстоятельствах уполномочивался «действовать всеми вверенными ему средствами, не ожидая разрешения высшего начальства, если разрешение сие не может быть отлагаемо без важного вреда или ущерба; но он обязан в то же время о принятых им мерах и о причинах их настоятельности доносить Приамурскому генерал-губернатору» [42].

Следует отметить, что постфактум неоднократно высказывались сомнения в целесообразности сохранения на Сахалине области. Основные аргументы, которыми они подкреплялись – крайняя малочисленность населения Сахалина и сравнительная несложность его нужд. Так, департамент общих дел МВД констатировал в 1915 г.: «В настоящее время Сахалинская область фактически представляет собой небольшую волость, оставлять для которой губернское управление нет никаких оснований и для которой уездная организация является вполне отвечающей настоящим задачам формой управления» [43].

Итак, процесс административного строительства растянулся на востоке России более чем на столетие. На него не могли не оказывать влияния крайняя удалённость, неосвоенность и малонаселённость рассматриваемой территории. Эти факторы предопределили пробный характер отдельных административных мероприятий, что наиболее ярко выразилось в троекратной попытке создания Камчатской области.

Несмотря на объективные трудности, к началу XX века удалось найти модель административно – территориального устройства региона, учитывавшую его специфику и потребности развития.

Библиографические ссылки

1. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее ПСЗРИ). Собрание 1. Т. XXI. №15675.*
2. *Там же. №15680.*
3. *Там же. Т. XXVII. №20889.*
4. *Там же.*
5. *ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XXVIII. №21726.*
6. *Там же. Собрание 1. Т. XXXII. №25081.*
7. *Там же.*
8. *Там же. Собрание 1. Т. XXXVIII. № 29125.*
9. *Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев – Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников (Материалы для биографии). Книга первая. М. 1891. С. 172.*
10. *ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXIV. Отд. 2. №23692.*
11. *ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXVI. Отд. 1. №24811.*
12. *Барсуков И. П. Указ. Соч. Книга первая. С. 285.*
13. *Там же. Курсив И. Барсукова.*

14. Барсуков И. П. Указ. Соч. Книга первая. С.211.
15. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXVI. Отд. 1. №25394.
16. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXVI. Отд. 1. №25394.
17. См. там же.
18. См. там же.
19. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев – Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников (Материалы для биографии). Книга вторая. М. 1891. С. 46 – 48.
20. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849 -1855. Хабаровск, 2009. С.285.
21. Там же. С. 291.
22. Там же. С. 320.
23. Авилов Р. С. Роль регулярных войск в освоении территории Приамурья и Приморья (1850-е гг.- 1884 г.) //Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. X. Владивосток. 2007. С. 200.
24. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXI. Отд. 1. №31080.
25. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. I. С.-Петербург. 1890. С. 243. Укажем попутно, что Н. Н. Муравьев за заключение этого договора удостоился графского звания и почётного титула «Амурский».
26. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXIII. Отд. 2. №33862.
27. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXI. Отд. 1. №31080.
28. Там же.
29. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXIII. Отд. 2. №33862.
30. Дополнительный договор между Россией и Китаем. Пекин. 2 /14 ноября 1860 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. М. 1952. С. 75 – 76.
31. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. LV. Отд.1. №60851.
32. Там же. Собрание 3. Т. VIII. №5516.
33. Янкелевич Я. Остров Сахалин //Вестник Азии. №49. Харбин. 1922. С.166.
34. Грим Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). М., 1927. С. 25.
35. Сборник пограничных договоров, заключённых Россией с соседними государствами. Санкт-Петербург. 1891. С. 292.
36. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1.
37. ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXVI. № 27565.
38. Более подробно об этом см.: М. Х. Яргаев. «Необходимо учредить здесь особое губернаторство». Исторический архив. 2006. №2. С. 159 – 177.
39. ПСЗРИ. Собрание 3. №32146.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. РГИА ДВ. Ф.702. Оп. 1. Д. 1062. Л. 4.